

СЕМЕЙНЫЕ ДЕНЬГИ: БЮДЖЕТЫ ПЕТЕРБУРГСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ 2000-2004 гг.

Николай Соколов
Центр социологических исследований
факультета социологии СПбГУ

В этой статье мы продолжаем знакомить читателей «Телескопа» с результатами цикла инициативных исследований петербургских домохозяйств, реализованного нашим Центром в начале нового тысячелетия. Напомним, что в предыдущей публикации были представлены данные о составе современных домохозяйств, а также изложены ключевые моменты, избранные в качестве концептуальной основы исследовательского проекта.¹ Теперь попробуем приподнять завесу тайны над тем, что представляют сегодня бюджетные практики петербургских семей. Оговорюсь сразу, далеко не все данные, добытые по этому поводу, будут здесь представлены. «Виной» тому не скрытность исследователей, а сложность дизайнерских решений в рамках избранного нами методологического подхода, предварительно (если не сказать — вульгарно) обозначенного как *количественная феноменология*.² Опыт проектирования вопросников, нацеленных на максимально правильное описание такого феномена как домохозяйство, позволяет констатировать неизбежность многократного усложнения аналитических процедур, что связано не только с необходимостью обработки ответов на открытые вопросы, но и (в первую очередь) с постоянно возникающей возможностью/необходимостью конструировать синтетические индикаторы, позволяющие учесть одновременно и взаимосвязано несколько параметров.

Итак, бюджет домохозяйства. Вряд ли найдётся много оппонентов, готовых аргументировано оспорить предположение о том, что совместный бюджет является одним из ключевых атрибутов «основной ячейки» современного общества, а, кроме того, ещё и важнейшим консолидирующим фактором. Действительно, в первом приближении трудно представить себе домохозяйство, совершенно избавленное от общих финансов. Однако, объясняя эту тему студентам университета, я рассказываю об образцовом отце семейства — рабочем индустриальной эпохи, который приносил в день получки и отдавал своей жене *все* наличные деньги (возможно, стараясь утаить сколько-нибудь как *заначку*), а после *ежедневно* получал от своей благоверной ровно столько, сколько нужно было на транспорт и обед в заводской столовой, и ...эта история гарантировано вызывает смех. Эффективный и рациональный лет 40 назад способ организации домохозяйства (уверен, что иначе герои этой истории *тогда* не смогли бы выжить, прокормить себя и детей), воспринимается новым поколением петербуржцев как анекдот.

Вспоминается и ещё один социологический анекдот советской эпохи: рабочий, отвечая на вопрос о размере семейного бюджета, указал, что в его семье такового нет. И, с позиции сегодняшнего понимания проблемы, это рабочий был, вполне вероятно, прав! В его домохозяйстве, действительно, не было ничего похожего на бюджет в том виде, как он понимается применительно к управлению государством или корпорацией.

Предоставим в этой связи слово петербуржцам. Вот реконструкции нескольких ситуаций, подготовленные на основе фрагментов интервью 2004 г, посвящённых домашнему бюджету. (Обратим внимание — это не транскрипты, а именно реконструкции, формулировки и последовательность вопросов отредактированы, в кавычках курсивом — записанное интервьюером со слов респондента и на основании диктофонной записи).³

1 Соколов Н.В. Петербургские домохозяйства в начале XXI века. // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005 №1 С.35-39.

2 Там же, С.36.

3 Источник — материалы инициативного исследовательского проекта «Омнибус-2004», выполненный Центром социологических исследований факультета социологии СПбГУ весной 2004 г.

Женщина (42 года, работает в двух местах, плюс подрабатывает стрижкой знакомых, совокупный личный денежный доход — в интервале от 7500 до 15000 рублей в месяц⁴), её мать — работающая пенсионерка и дочь-дошкольница. Отдельно живёт старший сын, который «встал на ноги — стал помогать семье». Как организован домашний бюджет? «*Безалаберно. Я и мама получаем зарплату, плюс пенсия дочери. Деньги никуда не складываются, «общего котла» нет. Каждый сам тратит свои деньги на текущие траты, хозяйственно-бытовые покупки. Когда заканчиваются деньги, мама «стреляет» у меня. На еду деньги трачу я. 50% — помощь сына... С моими близкими не реально что-либо планировать. Нет «общего котла»...», но и у отдельных членов домохозяйства «нет автономии. Надо и тратим деньги. Кончатся деньги — звоним сыну.» Приходится ли тратить свои доходы на общие нужды? «*По полной программе. Я всё покупаю.*» Приходится ли тратить «свои деньги» на других членов домохозяйства? «*Разумеется. У мамы молниеносно заканчиваются деньги, и я ей даю. Карманные расходы дочери (приблизительно 100-200 рублей в месяц), которыми она самостоятельно распоряжается.*» А что же мать и дочь? «*Дочь делает подарки — конфеты. Мама — понравилась какая-то вещь — купила. Это может быть всё что угодно: одежда, продукты питания, всё, что попадётся на глаза.*»*

Женщина (24 года, основная работа — сезонная — гид, подрабатывает репетитором, официанткой) и её мать (работает постоянно). «*С мамой все делаем поровну. Если есть у кого-то деньги, то покупаем продукты. Оплачиваем коммунальные услуги. У каждого есть собственные деньги, которые он не показывает. Я, например, коплю на крупные покупки для себя.*» Кто участвует в формировании домашнего бюджета? «*Я и мама, но мы не считаем. Тратим на питание, общие нужды, остальное — оплачиваем из собственных доходов... Большие покупки покупаем вместе. Недавно купили хороший холодильник пополам. Если есть у кого-то больше денег, то он и даёт больше... Если я даю маме деньги, то она обычно их возвращает... Мама, бывает, даёт мне деньги, как правило, безвозмездно.*»

Мужчина (21 год, студент дневной формы обучения, не работает), его отец (рабочий на заводе) и мать (занимается ремонтом и отделкой квартир). «*Затраты на общие первоочередные нужды домохозяйства в подавляющем большинстве случаев погашает мама... отец редко вносит свою лепту... Именно домашний бюджет финансирует и формирует мать. Отец ведёт свой сам. В основном его деньги уходят на дачу... Номинально существует и признаётся практика складывания денег в общий котел. Но отец делает это редко и распоряжается своим заработком самостоятельно... Я не трачу ни копейки на общие нужды домохозяйства... Мать спонсирует меня, как правило "живыми" деньгами, а отец покупает необходимое мне сам.*»

Женщина (66 лет, работающий пенсионер, плюс подрабатывает частными уроками и врачебной практикой, личный совокупный доход заявлен в интервале от 3000 до 7500 рублей в месяц) и её муж-пенсионер. «*Муж получает пенсию, я получаю пенсию и зарплату. Я все это складываю и делю на три кучки. 1-моя заначка, 2-еда, платежи. 3- непредвиденные расходы... накопили на машину... на внуку - подарки, сыну и его семье помогаю по возможности.*»

Женщина (43 года, работает в нескольких местах, график непостоянный, собственный доход — в интервале от 7500 до 15000 рублей в месяц), её муж и две дочери. «*Не имеет поня-*

4 В рамках проекта «Омнибус-2004», как и в других наших «Омнибусах» для измерения личного денежного дохода применялась прогрессивная интервальная шкала.

тия о зарплате мужа. Муж дает каждый день определенную сумму, которая уже давно не индексировалась. Ее она тратит до конца; что сама зарабатывает - тратит на поездки, которые теперь может себе позволить; вещи детям покупает. Приезжает старшая дочка, просит деньги и у того, и у другого - кто больше любит. Очень много расходов на коробки конфет - 40-50 шт. в месяц - сотрудникам, знакомым. Нужно платить младшей дочке за английский... Остальные деньги он [муж] тратит - дача, машина, на свою маму, свои увлечения... Если случится что-то непредвиденное — «попросит у мужа» Общих денег нет — «денег, когда надо не найти».

Познакомившись с этими довольно пространными описаниями, проще воспринять ключевой тезис, положенный нами в основу гипотетической модели объекта: бюджет домохозяйства — это не план и не фонд, а набор практик, позволяющих интегрировать финансовые ресурсы совместно хозяйствующих горожан. Конечно, встречаются домохозяйства, в которых можно наблюдать и вполне удовлетворяющие принципам рационального выбора схемы финансового планирования. Однако значительная (и, скорее всего, большая) часть бюджетных практик далеки от такового. Более того, они могут и не осознаваться в качестве именно бюджетного поведения, как, например, тотально не рефлексироваться нашими соотечественниками источники дополнительных доходов, особенно, получаемых в неденежной, натуральной форме. Вместе с тем, именно практики, согласно нашей гипотезе и формируют домохозяйство, а уровень рациональности этих практик прямо отражается на его эффективности.

Наши эмпирические исследования в области семейных бюджетов начинались с попытки измерения единственного индикатора — размера совместного бюджета семьи за месяц.⁵ При этом совместный бюджет понимался (и интерпретировался в формулировке вопроса и инструкциях для интервьюеров) как результат реального объединения денежных средств из разных источников (включая, например, объединение на банковских счетах). С самого начала допускалось, что, вопреки, такого рода совместный денежный фонд («общий котёл»⁶) может аккумулировать отнюдь не все доходы домохозяйства, а, во-вторых, в части домохозяйств он может и вовсе отсутствовать. Последнее подразумевает решение задач жизнеобеспечения домохозяйства консолидированными (а, возможно, и нет) усилиями самостоятельных (раздельных) бюджетов нескольких членов домохозяйства.

В 2002 г. методика была модернизирована. С целью получить более правильное измерение вопрос о размере совместного бюджета предварялся индикатором, показывающим, в какой мере совместный денежный фонд консолидирует доступные членам домохозяйства финансовые ресурсы. С этой целью респонденту предлагалось выбрать один из пяти вариантов ответа, наиболее подходящий для описания сложившейся в его домохозяйстве ситуации. Использовалась порядковая, производная от шкалы Лайкерта, шкала:

- У нас нет никакого совместного бюджета, у каждого свои деньги — кто заработал, тот и тратит
- Мы складываем в «общий котёл» только то, что необходимо потратить на питание дома, квартплату и др. текущие расходы, остальным каждый распоряжается по своему усмотрению
- В «общем котле» оказывается значительная часть доходов членов семьи, но и на руках остаётся достаточно много

5 В вопросник «Омнибуса-2000» впервые был включён вопрос в следующей формулировке: «Сколько примерно рублей составляет совместный бюджет вашей семьи за последний месяц (т.е. те денежные доходы, которые члены вашей семьи сложили «в общий котёл»?»

6 Термин «общий котёл» был использован нами с подачи А.А.Вейхера, который в своих публичных выступлениях неоднократно определял семью, домохозяйство как раз через эту ключевую категорию.

- Большую часть денег мы складываем вместе, но, обычно, у членов семьи остаётся что-то на собственные расходы
- У нас так принято: все или почти все деньги сдаются «в общий котёл», потом — выдаются членам семьи по мере надобности, в т.ч. и на «карманные расходы»

Наконец, в 2003 г. был применён третий по счёту методический вариант, также построенный на базе шкалы Лайкерта. Петербуржцам был предложен прямой вопрос о том, принято ли в их домохозяйстве складывать доходы (или их часть) в «общий котёл», формируя таким образом совместный денежный фонд (бюджет домохозяйства, «семейные деньги» и т.п.). Шкала включала 4 содержательных варианта ответа, а также позицию «другое»:

- Нет, этого не бывает никогда или почти никогда
- Обычно нет, но иногда мы скидываемся на те или иные нужды
- Да, «семейные деньги» в домохозяйстве есть, но пополняется такой совместный денежный фонд нерегулярно, от случая к случаю
- Да, мы регулярно складываем свои доходы (или их часть) в «общий котёл»

Как видно, основные усилия исследователей на этом этапе (2003 г.) были направлены на увеличение правильности измерения в отрицательной области шкалы — нам представлялось важным вывести из рассмотрения «сомнительные», спорадически возникающие совместные фонды, ограничив рассмотрение зоной устойчивых практик. Кроме того, блок диагностики бюджетных практик в вопроснике 2003 г. был значительно расширен за счёт дополнительных индикаторов, отражающих роль респондента и других членов домохозяйства, размеры транзакций и другие параметры семейного бюджета. Также существенно была изменена процедура интервью — вопреки доминирующей практике интервьюеру предписывалось уточнять и фиксировать подробности, возвращаться и корректировать зафиксированное ранее, т.е. вести беседу в жанре расспроса.⁷

Каковы результаты проведённых замеров?⁸

Прежде всего, рассмотрим оценки доли домохозяйств, в которых наблюдаются практики формирования совместного денежного фонда («общего котла»). (Табл. 1)

Комментируя полученные данные, следует, прежде всего, признать, что различия в методиках измерения сказываются на результатах значительно сильнее, чем время. Более того, проведённые замеры свидетельствуют, на наш взгляд, как раз о стабильности бюджетных практик в домохозяйствах петербуржцев. Правда, прямые основания для такого утверждения дают только выполненные в одном дизайне измерения 2000 и 2001 годов. Косвенным же подтверждением сказанного является стабильный вес категорий горожан, выбиравших в ходе опроса варианты «я этого не знаю» и «не скажу» в качестве ответа на прямой вопрос о размере домашнего бюджета. (Табл. 2)

Напомним запутавшемуся читателю, что в опросах 2000 и 2001 г. задавался только один вопрос о размере семейного бюджета, а в 2002 и 2003 гг., он (практически в той же формулировке) предварялся вопросом о присутствии и степени выраженности данной бюджетной практики, который, к тому же, служил и фильтром — вопрос о размерах «общего

7 Подробнее см.: Соколов Н.В. Петербургские домохозяйства в начале XXI века. // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005 №1 С.36.

8 Все замеры были проведены в рамках известного постоянным читателям «Телескопа» ежегодного инициативного проекта Центра социологических исследований факультета социологии СПбГУ «Омнибус». С некоторыми публикациями этого проекта можно познакомиться, например, в «Телескопе» 2000/5, 2001/6, 2002/1. Автор выражает глубокую признательность коллегам — сотрудникам Центра и студентам факультета социологии, упорный коллективный труд и заинтересованные дискуссии которых сделали существование проекта возможным.

Таблица 1. Наличие практик формирования совместного финансового фонда в петербургских домохозяйствах (% опрошенных)

	2000 г. n=1344	2001 г. n=1023	2002 г. n=1054	2003 г. n=1075
В домохозяйстве есть совместный денежный фонд	45,9*	44,7*	74,3	57,7****
Совместного денежного фонда нет	15,2**	16**	24,3***	33*****
Я этого не знаю	15,9	15,4	-	-
Не скажу	20,2	21,1	-	-
Не ответили	2,8	2,8	1,4	9,3*****
Всего	100	100	100	100

* Доля опрошенных, указавших размер совместного бюджета семьи.

** Доля ответов: «В нашей семье совместный бюджет не ведётся».

*** Доля ответов: «У нас нет никакого совместного бюджета, у каждого свои деньги — кто заработал, тот и тратит».

**** Доле в ходе интервью 7,3% респондентов этой категории указали, что в последнем накануне опроса месяце в «общем котле» денежных средств не было.

***** Включая и тех, кто выбрал вариант: «Обычно нет, но иногда мы скидываемся на те или иные нужды».

***** Включая ответы: «Другое»

котла» был задан только тем, кто констатировал его наличие. Именно поэтому «уклонистские» ответы на вопрос о размере семейного бюджета оказались неуместны в Табл.1. Равно они не могут быть однозначно интерпретированы как свидетельство отсутствия «общего котла» в опросах 2000-2001 гг. Скорее наоборот — доля позитивных ответов, оцененная только на основании ответов, содержащих числовые значения, явно занижена.

Таблица 2. Доля выбравших «уклонистские» варианты ответа на вопрос о размере совместного финансового фонда (% опрошенных)

	2000 г. n=1344	2001 г. n=1023	2002 г. n=1054	2003 г. n=1075
Я этого не знаю	15,9	15,4	16,2	15,3
Не скажу	20,2	21,1	18,6	12,4

Итак, можно с большой степенью уверенности утверждать, что практики реального объединения денежных средств в общий фонд уверенно наблюдаются более чем в половине петербургских домохозяйств. Напротив, не менее 15% семей вообще обходятся без «общих денег». Последний показатель увеличивается в полтора-два раза, если, применяя более чувствительную процедуру, мы исключим из рассмотрения фонды случайного, ситуативного происхождения. В целом можно констатировать, что домохозяйства петербуржцев делятся в зависимости от наличия или отсутствия в них «общего котла» (финансового) в пропорции примерно два к одному.

Интересно, что как показывают опросы, выполненные в дизайне 2002-2003 гг., среди различных форм организации совместного денежного фонда доминируют отличающиеся высокой степенью интеграции и устойчивости. Так, почти половина горожан (49%) в своих домохозяйствах объединяют все или большую часть персональных доходов, треть (31%) — все или почти все. При этом половина петербуржцев (50,2%) включена в практики систематического объединения финансовых ресурсов.

Каковы же размеры этих бюджетов? Для ответа на этот вопрос был проведён анализ подвыборок, выделенных на основании наличия содержательных ответов на вопрос о размере совместного бюджета домохозяйства. Минимум оказался относительно стабилен на протяжении четырёхлетнего пе-

риода — 400-500 рублей в месяц.⁹ Максимум — существенно менее устойчив и колеблется от 60-64 тысяч рублей в месяц (2000 и 2002 гг.), до 200 тысяч в 2001 и 400 тысяч рублей в 2003 годах. Существенно более информативны другие показатели центральной тенденции и девиации рассматриваемых распределений. (Табл.3)

Таблица 3. Характеристики центральной тенденции и девиации для распределений ответов на вопрос о размерах совместного денежного фонда («общего котла») домохозяйства (рублей в месяц)

	2000 г. n=817*	2001 г. n=531*	2002 г. n=411*	2003 г. n=351*
Среднее значение	3500	7130	8864	14067
Медиана	3000	5000	7000	10000
Мода	3000	3000	10000	10000
Среднее квадратическое отклонение	4090	13138	7197	28584
1-й квартиль	1500	3000	4000	6000
3-й квартиль	4000	8000	10000	15000
Межквартильный интервал	2500	5000	6000	9000
10% дециль	800	1500	2800	3760
90% дециль	6000	12000	18000	25000
Соотношение 9-го и 1-го децилей	7,5	8	6,4	6,7

* Размер подвыборки, для которой есть числовые оценки совместного денежного фонда домохозяйства

Во-первых, наблюдается относительная близость всех трёх показателей центральной тенденции — среднего значения, моды и медианы. В некоторых случаях мода и медиана даже совпадают. Это свидетельствует о достаточно высокой симметричности полученных распределений. В то же время явно выражена тенденция превышения среднего значения над модой и медианой, что свидетельствует, что некоторый сдвиг в сторону низких значений всё же есть. На наш взгляд, здесь наблюдается примерно равное распределение домохозяйств по обе стороны от воображаемой оси симметрии, но девиация в области высоких значений выше. Другими словами домохозяйства с самыми маленькими бюджетами распределены плотнее, чем наиболее обеспеченные домохозяйства. (Здесь, безусловно, требуется избежать вульгарного деления на бедных и богатых на основании одного лишь размера совместного бюджетного фонда. Но, согласитесь, домохозяйство, располагавшее в первой половине 2000-х гг. ежемесячным бюджетом более \$ 1000, трудно признать бедным.)

Все без исключения абсолютные показатели устойчиво росли на протяжении рассматриваемого периода. Причём росли они практически пропорционально, следуя простой тенденции: резкий скачок — удвоение — с 2000 по 2001 год, затем некоторое снижение темпов на год и снова удвоение, в результате которого с 2002 по 2003 год снова удвоение. Итого, за четыре года совместные бюджетные фонды петербургских домохозяйств выросли в четыре раза!

Характерно, что эта тенденция справедлива практически для всех категорий стратификационной лестницы, что отражается в динамике изменения среднего значения, квартилей и даже децилей. Специально для любопытствующих приводим полную таблицу децилей для исследуемых распределений (Табл.4) — как ни странно, в ней практически нет зон, динамика которых существенно отличалась бы от общей тенденции.

⁹ В 2003 г. были получены два существенно меньших значения — 15 и 105 рублей, однако их следует признать, скорее ошибками, порождёнными сложностью процедуры или весёлым настроением респондентов.

Таблица 4. Значения децилей для распределений ответов на вопрос о размерах совместного денежного фонда («общего котла») домохозяйства (рублей в месяц)

	2000 г. n=817	2001 г. n=531	2002 г. n=411	2003 г. n=351
10% дециль	800	1500	2800	3760
20% дециль	1500	2500	3740	5000
30% дециль	1953	3000	5000	6380
40% дециль	2090	4000	6000	8000
50% дециль	3000	5000	7000	10000
60% дециль	3000	6000	9000	11000
70% дециль	4000	8000	10000	14000
80% дециль	4820	10000	12000	16000
90% дециль	6000	12000	18000	25000

Таким образом, в рассматриваемый четырёхлетний период в Петербурге «богатые» домохозяйства богатели (аккумулировали финансовые ресурсы) пропорционально «бедным». Об этом свидетельствует соотношение 9-го и 1-го квартилей (индикатор не полностью эквивалентный, конечно, но по своей природе близкий популярному показателю — соотношению уровней доходов 10% наиболее и наименее обеспеченных групп населения), которое не только не увеличилось, но даже проявило тенденцию к некоторому снижению.

Правда, абсолютная дистанция между крупно- и мало-бюджетными домохозяйствами увеличивалась в этот период практически в той же пропорции, что наглядно демонстрирует, например, разность между квартилями. Растёт поэтому и среднее квадратическое отклонение. Так что, если понять дифференциацию бюджетов как дифференциацию возможностей домохозяйств, становится понятно, что стратификационный процесс в петербургском сообществе протекал и достаточно интенсивно.

Разумеется, всё сказанное выше справедливо лишь в контексте восприятия домохозяйства как самостоятельного и неделимого субъекта социально-экономического пространства. Поэтому следующий аналитический шаг состоял в расчёте доли совместного бюджета, приходящейся на одного члена домохозяйства (среднего душевого бюджета). В результате были получены распределения, характеристики которых приведены в таблицах 5 и 6.

Таблица 5. Характеристики центральной тенденции и девиации для распределений среднего душевого бюджета домохозяйства (рублей в месяц) *

	2000 г. n=816**	2001 г. n=527**	2002 г. n=411**	2003 г. n=351**
Среднее значение	1346	3083	3123	4732
Медиана	1000	2000	2333	3100
Мода	1000	2000	2000	3000
Среднее квадратическое отклонение	1414	5040	2796	8435
1-й квартиль	700	1300	1500	2000
3-й квартиль	1500	3333	3500	5000
Межквартильный интервал	800	2033	2000	3000
10% дециль	500	1000	1000	1500
90% дециль	2400	5500	6667	8267
Соотношение 9-го и 1-го децилей	4,8	5,5	6,7	5,5

*) Средний душевой бюджет рассчитан как отношение размера совместного денежного фонда («общего котла») к общему числу членов домохозяйства.

**) Размер подвыборки, для которого оказалось возможным провести расчёт.

Таблица 6. Значения децилей для распределений среднего душевого бюджета домохозяйства (рублей в месяц)

	2000 г. n=816	2001 г. n=527	2002 г. n=411	2003 г. n=351
10% дециль	800	1500	2800	3760
20% дециль	1500	2500	3740	5000
30% дециль	1953	3000	5000	6380
40% дециль	2090	4000	6000	8000
50% дециль	3000	5000	7000	10000
60% дециль	3000	6000	9000	11000
70% дециль	4000	8000	10000	14000
80% дециль	4820	10000	12000	16000
90% дециль	6000	12000	18000	25000

Строго говоря, расчёты среднего душевого бюджета дали для понимания ситуации не так много. Во-первых, в отношении этих распределений справедливы практически все описанные выше тенденции, что позволяет сделать методический вывод относительно высокой валидности исходного индикатора — размера совместного бюджета («общего котла») домохозяйства. Косвенно это также свидетельствует, что не существует существенной разницы в практиках аккумулирования финансовых ресурсов в домохозяйствах, различающихся по размеру и составу, в частности, по соотношению кормильцев и иждивенцев.

Во-вторых, наблюдаются несколько более умеренные темпы роста — по большинству позиций примерно в три раза за четыре года. Тот факт, что за один и тот же период темпы роста среднего душевого бюджета оказались ниже темпов роста совместных бюджетов домохозяйств, означает, что за это время несколько увеличилась нагрузка на бюджеты. Проще говоря, состав домохозяйств пополнился, причём за счёт иждивенцев, что в условиях всеобщего роста бюджетов не удивительно.

Что ж, констатируем ещё раз теперь уже вполне прозрачную тенденцию: все слои горожан богатели в 2000–2003 гг. относительно одинаковыми темпами, в результате чего «богатые» домохозяйства аккумулировали в абсолютном выражении значительно больше финансовых возможностей, чем «малообеспеченные».

Несмотря на кажущуюся информативную достаточность проведённого анализа, нами всё же была предпринята попытка группировки данных применительно ко всем рассмотренным массивам. После определённых методических колебаний предпочтение было отдано опробованным прогрессивным интервальным шкалам, позволяющим, в частности, продемонстрировать стратификационные тенденции в сообществе. Сами шкалы проектировались на основании анализа модальных проявлений в непрерывных распределениях. (Обе группы распределений, как и следовало ожидать, отличались мультимодальностью, и сконструировать универсальные, т.е. применимые на всём четырёхлетнем отрезке шкалы оказалось совсем не просто).

Результаты группировки, представленные в таблицах 7 и 8, неплохо иллюстрируют происходившее в социальном пространстве Петербурга в начале 2000-х. Например, постепенно исчезали «малобюджетные» категории. В результате к 2003 г. домохозяйства, располагавшие в месяц бюджетом менее \$ 100 стали редкостью, тогда как за четыре года до этого таковых в городе было больше половины. Напротив, превышение семейным бюджетом порога \$ 200, впервые ставшее массовым явлением в 2001 г., к 2003 г. стало доминирующим феноменом. Треть петербуржцев получила в 2003 г. возможность распоряжаться таким ежемесячным бюджетом домохозяйства, которым в 2000 г. располагало менее 1,5%. Но ведь это означает, что треть горожан достигла тех финансовых возможностей, которыми всего четыре года назад обладали лишь «самые-самые». Не будем забывать про инфляцию, но всё же цены в этот период росли значительно медленнее, и следовательно, стратификационный сдвиг налицо.

Таблица 7. Распределение петербургских домохозяйств по размеру совместного денежного фонда («общего котла») (% ответивших)

Рублей в месяц	2000 г. n=817	2001 г. n=531	2002 г. n=411	2003 г. n=351
До 850 включительно	10,6	0,8	0,2	0,9
851 - 1700	16,8	11,3	3,4	1,7
1701 - 3250	34,2	20	13,6	5,7
3251 - 6500	29,5	31,2	30,4	22,5
6501 - 13000	7,6	28,6	34,2	36,5
13001 - 26000	0,7	5,8	15,3	25,6
26001 и более	0,6	2,3	2,9	7,1
Всего	100	100	100	100

Таблица 8. Распределение петербургских домохозяйств по размеру среднего душевого бюджета (% ответивших)

Рублей в месяц	2000 г. n=816	2001 г. n=527	2002 г. n=411	2003 г. n=351
До 300 включительно	3,3	0,8	0,7	1,1
301 - 650	15,7	2,8	2,7	0,6
651 - 1350	52,9	26	18	5,7
1351 - 2750	22,4	38,3	40,9	33,6
2751 - 5500	4	22,8	25,6	39,6
5501 - 11000	1,3	7,2	10,2	15,4
11001 и более	0,4	2,1	1,9	4
Всего	100	100	100	100

Да, пожалуй, мы наблюдаем именно *стратификационный* сдвиг в социуме, когда каждый слой поднимается на ступеньку выше, достигая возможностей, которые ещё вчера представлялись атрибутом более успешных групп. И это в равной мере относится и к бедным, и к богатым. Конечно, нельзя не радоваться тому, что уровень жизни наших сограждан растёт такими темпами. Однако социологически подобный стратификационный сдвиг, как ни странно, чреват серьёзными опасностями и, уж как минимум, препятствиями на пути дальнейшего развития. Ведь переход субъекта в качественно новый социальный статус связан с возникновением у него дефицита соответствующих ролевых навыков и социальных ориентаций, на формирование которых может уйти немало времени. При этом прежняя система социальных стимулов уже перестала действовать.

Обратим внимание — уже в 2003 г. почти две трети петербургских домохозяйств достигли уровня среднего душевого бюджета \$ 100. Рост этого показателя несомненно продолжался и продолжается по сей день. Но достижение названного (или близкого с учётом инфляции) уровня фактически означает преодоление бедности как системной угрозы витальным потребностям человека. По-настоящему бедный живёт мыслями о хлебе насущном и крове над го-

ловой, о том, как уберечь себя и свою семью от голода и холода. Этому подчинены его повседневные практики — практики постоянной борьбы за выживание, борьбы, в которой нельзя расслабляться ни на минуту. И если вдруг, внезапно угроза голода и холода исчезает, вчерашний бедный оказывается дезориентирован. Ведь ему не нужно больше бороться так, как это было всегда. А ничего другого он ещё не научился делать. Да никто и не пытается его научить.

Постсоветское общество 90-х было социумом бедных. Бедные доминировали в нём физически и духовно и, консолидируясь, находили силы для выживания в условиях экономической и политической депрессии. Но внезапная «отмена» бедности способна вызвать в таком социуме подобие кессонной болезни. Вчерашние бедные, дезориентированные новыми возможностями, просто утратят способность эффективно функционировать в экономике. Немотивированный рост зарплат (и финансовых амбиций) и кадровая чехарда — это стало повсеместно наблюдаемым и, к сожалению, неуправляемым явлением даже в самых эффективных отраслях, таких как сетевая торговля, общественное питание, банки. Кстати, именно неконтролируемый рост оплаты труда и кадровая чехарда были бичом «московской» экономики накануне кризиса 1998 года.

Нет никакого сомнения в том, что при пропорциональном стратификационном сдвиге статусно-ролевая дезориентация охватывает отнюдь не только беднейшие слои населения. Предприниматель, четверо увеличивший свой бизнес за несколько лет, способен нанести социально-экономической системе гораздо больший урон, прежде всего потому, что располагает существенно большими возможностями, применить которые не умеет. Неудивителен поэтому всплеск показного потребления параллельно с деградацией менеджмента опять-таки самых эффективных предприятий — их хозяева всё меньше интересуются производственным процессом, потому что уже заработали гораздо больше, чем собирались в этой жизни.

Недавно мне в лучших советских традициях нахамила продавщица — уж точно впервые с 1998 г. И потому, как она это делала, было ясно, что ей совершенно безразличны и клиент, который может пожаловаться начальству, и начальство, которое запросто может выгнать с работы, и работа, и зарплата, и те развлечения и безделушки, на которые она эту зарплату тратит. Просто человек полностью лишен понимания того, зачем он оказался в конкретной точке пространства и времени, на этом рынке труда, на данном рабочем месте.

А ведь и в самом деле — зачем? Ведь если вернуться к логике представленных нами в начале реконструкций, то деньги в сложившейся ситуации «неуправляемого всплытия» — субстанция неиссякаемая. И поэтому их можно тратить без плана и без царя в голове, увидел — понравилось — купил. Потому что всегда есть кто-то, чьих финансовых возможностей хватит. То ли муж проиндексирует, то ли мать погасит текущие расходы. А если случится что-то непредвиденное — обратимся опять-таки к мужу, или, например, позвоним старшему сыну.